

опалой, он продолжал участвовать в дворцовых делах¹⁰⁰. И только тогда, когда он должен был принять патриарший сан, Исаак Комнин настоятельно потребовал, чтобы Лихуд вернул документы; только при этом условии император соглашался признать нового патриарха. Константин Лихуд вынужден был согласиться¹⁰¹. Что это за документы? Если это бумаги, которыми ведал куратор Манган (так полагает А. П. Каждан)¹⁰², то почему они подлежали специальному возврату? Ведь совершенно естественно, что, отказавшись от пронии, Лихуд перестал ведать и канцелярией куратория. Между тем изложение Зонары заставляет думать, что Лихуд был заинтересован не столько в пронии Манган, сколько в самих документах. Некоторый свет на этот вопрос проливает сопоставление данных „Vita Basilii“ и перефразированное Зонарой сообщение Скилицы „о пронии и документах“¹⁰³. Из сведений, почерпнутых в биографии Василия Македонянина, следует, что Манганы представляли собой дворец с поместьями, продуктами которых удовлетворялись нужды императорского стола. Часть продуктов, таким образом, не поступала в фиск, а оставалась в Манганах. Зонара же рассказывает, что, передав Лихуду пронию Манган, Константин Мономах доверил ему также грамоты, касающиеся „свободы“ Манган (τὰ περὶ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν [т. е. Μαγγάνων] ἐνεπίστευον ἑγγράφα). Следует полагать, что под „элеветерией“, как и обычно в византийских документах, подразумевается свобода от налогового обложения. И тогда невольно возникает вопрос: не были ли *ἑγγράφα* Ариस्ताкеса Ластивертци, *δικαιώματα* Скилицы и *ἑγγράφα* Зонары теми документами, которыми утверждалось право на оставление части доходов в Манганах, т. е. своего рода иммунитетными грамотами? Хранитель пронии олицетворял Манганы как определенную хозяйственную единицу. Поскольку та часть доходов, которая подлежала изъятию из налогового обложения, шла непосредственно на нужды императора и его приближенных, естественно, иммунитетная грамота могла быть выдана, так сказать, подставному лицу, тем более что в византийской практике подобное право на налоговый иммунитет в X—XII вв. носило личный характер и, следовательно, грамота жаловалась конкретному лицу, а не хранителю пронии вообще. Но когда тот или иной хранитель должен был оставить должность, он обязан был вернуть и пожалованные ему грамоты. То обстоятельство, что в данном случае речь идет об иммунитете на домениальные владения императора (или двора), нас не должно смущать. Ф. Дэльгер приводит данные, которые не оставляют сомнения в том, что с домениальных земель взимался налог, для освобождения от которого требовалась специальная грамота¹⁰⁴. Император Тиберий освободил *Βασιλικαὶ οἰκίαι* от синоны, постоянного, ангарии и других налогов¹⁰⁵. Из Эсфигменской писцовой книги 1298/9 г. известно, что *ὑπάγραφα* и *διπόδατον* взимались даже с царских поместий (*Βασιλικὰ ζευγηλατεῖα*)¹⁰⁶. Еще в XIV в. *Βασιλικὰ κτήματα* подлежали налоговому обложению. Таким образом, есть все основания предполагать, что хранитель пронии Манган

¹⁰⁰ Н. Скабаламович. Ук. соч., стр. 391—392.

¹⁰¹ Scyl., p. 645; Zonaras, p. 670—671.

¹⁰² А. П. Каждан. Ук. соч., стр. 213.

¹⁰³ Выдержку из Зонары см. в примеч. 78.

¹⁰⁴ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. S. 62—63.

¹⁰⁵ Zachariä von Lingenthal. Jus, III, p. 29.

¹⁰⁶ Actes d'Espihménou, ed. L. Petit et W. Regel. — ВВ, XII, 1906, приложение, р. XIV—XV; Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 80—81. О датировке писцовой книги см. G. Ostrogorskij. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 284—285.